Текст · 7 июля 2026, 07:44
Эд Сизар,

Пилоты-охотники. Репортаж New Yorker из самолета Тимура Фаткуллина, который сбивает российские дроны

До начала полномасштабной войны крымчанин Тимур Фаткуллин побеждал на чемпионате мира по высшему пилотажу и собирал команды для съемки безумных экстремальных видео: мотоциклист прыгает через летящий вверх ногами самолет, парашютист пьет кофе на куполе парящего высоко над землей воздушного шара. После вторжения России он хотел пойти служить летчиком в ВСУ, но ему отказали. Тогда Фаткуллин позвал своих друзей-экстремалов, а также отставного летчика, который еще в советское время летал на МиГ-23 и Су-27, в новую команду. Вместе они уже год сбивают российские «Шахеды» с борта небольшого транспортного Ан-28 — и уничтожили так уже несколько сотен беспилотников. Корреспондент *New Yorker* Эд Сизар побывал нескольких вылетах отряда. С разрешения издания «Медиазона» публикует перевод репортажа.

Самая сложная часть международных турниров по высшему пилотажу — это «неизвестная программа». Пилоты приезжают на соревнование, отточив свое мастерство в исполнении петель, поворотов на вертикали и бочек. Но суть «неизвестной программы» в том, что конкретную последовательность трюков, которые им предстоит исполнить, участникам раскрывают только накануне выступления. Пилоты продумывают, как именно они

распределят фигуры, но отрепетировать ничего уже не успевают. Эта проверка на силу воображения и летное мастерство часто оказывается решающей.

В 2019 году на Чемпионате мира по высшему пилотажу в классе *Intermediate*, который проходил на аэродроме возле чешского города Бржецлав, было три состязания по неизвестной программе. И первое выиграл 25-летний украинский пилот Тимур Фаткуллин. За штурвалом своего красно-серебристого *Extra 330LX* — маневренного немецкого спортивного самолета — он выбрал неожиданный подход к исполнению программы и начал ее в перевернутом положении. А затем выполнил сложнейшую последовательность фигур так, будто тренировался месяцами. Украинская команда, подогретая выступлением Фаткуллина, выиграла золото. Тревор Дуган из британской команды (они взяли бронзу), который служил штурманом в Королевских ВВС во время войн в Афганистане и Ираке, назвал Фаткуллина «просто феноменальным» летчиком.

Вскоре после этого чемпионата Фаткуллин прекратил участвовать в соревнованиях — началась пандемия, а потом война с Россией. Фаткуллин торопится жить. К 32 годам у него пятеро детей. Он высокий, с аккуратно подстриженной бородой, светло-зелеными глазами и квадратной челюстью. Даже в обычной жизни он стоит навытяжку, как будто готовится то ли получить, то ли отдать приказ. Часто носит рубашку с расстегнутыми верхними пуговицами, бежевую летную куртку с поднятым воротником, армейские штаны и высокие кроссовки *Nike*. Играет на гитаре и немного на пианино. Любит

носить в кармане пачку крупных купюр. Говорит на нескольких языках, в том числе на английском (почти в совершенстве) и испанском (свободно). Однажды провел месяц в тюрьме за то, что сломал ребра человеку, который угрожал его жене (до суда дело не дошло). Умеет танцевать танго.

В конце 2010-х Фаткуллин начал выполнять трюки с другими экстремальщиками: парашютистами, мотоциклистами и фридайвером. Они придумали себе название — *Aerotim*. Фаткуллин начал разрабатывать часовое гастролирующее шоу, в котором будут сочетаться разные виды экстрима — как он говорил, такое захватывающее, чтоб «у людей не было времени мороженое лизнуть». Вскоре после золотой медали в Чехии Фаткуллин придумал трюк, который должен был стать главной фишкой шоу. Он позвонил мотоциклисту Сергею Гусаку, чтобы его обсудить.

* * *

Гусак и Фаткуллин — закадычные друзья, но очень разные люди. У 38-летнего Гусака скорее серферский настрой. Он ходит в худи и мешковатых штанах, ездит на бирюзовом минивэне *Volkswagen*. Левая рука у него полностью зататуирована. В молодости он учился на ландшафтного дизайнера в Киеве, но не закончил. Потом кем только не работал, чтобы оплачивать свое увлечение мотоциклами — даже водителем в ритуальной фирме. В 2008 году он купил свой первый кроссовый мотоцикл — старенький *Česká Zbrojovka* — у священника с востока Украины, после того, как привез туда тело для похорон.

Когда Фаткуллин позвонил, Гусак выступал в цирках. Тимур позвал его встретиться в Карпатах, рядом с польской границей, чтобы попробовать кое-что новенькое. План был такой. Рабочие ставят огромные рампы в 20 метрах друг от друга. Фаткуллин на своей *Extra* пролетает в нескольких метрах над землей, между рампами. Когда самолет приближается, Гусак заезжает на одну из них — так, чтобы взмыть над самолетом точно в тот момент, когда он окажется между рампами. Делая дугу над самолетом, Гусак должен исполнить «кордову» — то есть, держась за руль мотоцикла, выгнуться в воздухе назад.

Гусак согласился попробовать сделать трюк и, не сомневаясь в мастерстве Фаткуллина, был совершенно спокоен. До того самого момента, когда, взревев двигателем, должен был стартовать. И тут он увидел, что Тимур без всякого предупреждения подлетает к рампам вверх тормашками. Полет в перевернутом положении на такой маленькой высоте чудовищно опасен. Риск для обоих мужчин вырос многократно. Гусак мог отказаться, но вместо этого сказал себе: «У меня нет права на ошибку». И рванул вверх по рампе.

Видео на YouTube

YouTube

MERRY FMXMAS 2020 | AEROTIM

@AEROTIM

https://www.youtube.com/watch?v=gS-_Hu-04ag

* * *

В девять вечера безлунной, но морозной и звездной мартовской ночью 2026-го, через четыре года и несколько дней после начала полномасштабного вторжения России в Украину, я взошел на борт тускло-серого Ан-28 — легкого двухмоторного турбовинтового самолета — на аэродроме в центральной Украине (я не буду указывать более точное местоположение из соображений безопасности). Фаткуллин сел на место пилота. На нем был бирюзовый шлем с микрофоном, темно-синий летный комбинезон с его именем на груди и привычные высокие найковские кроссовки. Гусак в зеленом комбинезоне разместился в хвостовой части самолета, рядом с шестиствольным пулеметом, который часто ставят на вертолеты, и несколькими ящиками с патронами. В самолет загрузились второй пилот, еще два члена экипажа и фотограф. Места хватало всем: Ан-28 — это военно-транспортный самолет около 13 метров в длину, он может перевозить до 19 человек.

Взревели два двигателя, и самолет начал движение по взлетной полосе. Гусак, который смотрел в инстаграме видео про мотокросс, убрал телефон. Мы взлетели. Украинская ПВО засекла «Шахед» — дрон-камикадзе с треугольным крылом. Такие дроны Россия использует, чтобы терроризировать мирное население и выводить из строя инфраструктуру страны. «Шахед» летел к аэродрому. А Фаткуллин летел его уничтожить.

У «Шахедов[1]» карбоновое покрытие, их длина составляет три с половиной метра, а размах крыла — около двух с половиной метров. Они весят около двухсот килограммов и способны пролетать

до 2500 километров — такая дальность позволяет им наносить удары в любой точке Украины. Шумные двигатели этих дронов легко услышать: они звучат, как кроссовый мотоцикл. А вот заметить их в ночном небе невооруженным глазом очень сложно. У Фаткуллина и его команды был свой способ. Они засекали «Шахеды» с помощью тепловизора, прикрепленного к носу АН-28, и потом работали глазами, используя прожектор на левом крыле, которым управлял Тимур. Кроме того, у обоих были очки ночного видения. Когда Фаткуллин выравнивал самолет так, чтобы он оказался параллельно дрону, Гусак сбивал его пулеметной очередью.

Гусак надел бронежилет и парашют. На мне тоже был парашют. Я прыгал из самолета только однажды — в 2006 году во время отпуска в Намибии. Тогда я заплатил инструктору, мы прыгали в тандеме, и за кольцо тянул он. Гусак, у которого дома осталась двухлетняя дочь, сказал, что без парашютов не обойтись. «Шахед» может нести до полусотни килограмм боеприпасов. Если он врежется в самолет или взорвется рядом, Ан-28 может потерять тягу, загореться или оказаться под градом осколков. Такое бывало. Гусак дал мне короткую инструкцию: прыгаешь, считаешь до трех, дергаешь вот тут — и помог мне затянуть лямки.

Мы летели на северо-восток. Члены экипажа мониторили радиолокационную карту Украины на айпаде: вражеские цели были отмечены красным, а украинские летательные аппараты — голубым. Примерно через полчаса после взлета цель, которую мы преследовали, исчезла с экрана: либо дрон во что-то врезался, либо его сбили другие

противовоздушные силы. Но скоро появилось еще четыре «Шахеда», все они летели по направлению от города Сумы, который находится на востоке страны, почти на линии фронта. Около 11 вечера Фаткуллин сказал по радио (по-английски, чтоб мне было понятно): «Цели приближаются, до них около 50 километров. Идем встречными курсами». У меня за спиной Гусак поставил свой пулемет на коврик и открыл дверь, через которую собирался стрелять. В кабине подуло холодным воздухом.

Один из членов экипажа смотрел на экран между кабиной пилотов и пулеметом. На него передавалось изображение с тепловизора. Довольно быстро подходящая цель нашлась. На изображении двигатель «Шахеда» сиял как комета, а тело дрона выглядело как серовато-белый бумажный дротик. Лазер на камере Ан-28 измерил расстояние до беспилотника. Мы были примерно в двух километрах от него — слишком далеко, чтобы заметить дрон без аппаратуры безлунной ночью. Фаткуллин подвел самолет ближе, и они начали своего рода танец: мы кружили вокруг дрона, пока он не оказался сначала на «одиннадцати часах», а потом на «десяти». Гусаку, чтобы начать стрелять, нужно было, чтобы дрон был между «восемью» и «девятью часами». Расстояние до дрона сократилось до 370 метров.
Я уже видел его из левого иллюминатора. В этой картинке было что-то театральное: черный дрон в свете прожектора, летящий над лесами и полями, был похож на оперного солиста. Гусак выглянул поверх пулемета, пытаясь поймать цель в прибор ночного видения. Расстояние до дрона было уже меньше 300 метров. Он попал в зону поражения.

* * *

Тимур Фаткуллин родился в поселке городского типа Черноморское на северо-западном побережье Крыма в 1993 году, через два года после распада СССР и обретения Украиной независимости. Но, как и подавляющее большинство жителей полуострова, Тимур вырос, говоря по-русски. Сейчас он обычно говорит на украинском, кроме особенно напряженных моментов в кабине пилотов — тогда он возвращается к языку детства.

Родители Тимура изучали в университете философию и оба стали преподавателями. У них была большая библиотека, но книжки их сына не интересовали. (Сейчас он читает много и охотно, особенно любит романы французского писателя и авиатора Ромена Гари.) Юного Тимура завораживали американские фильмы — особенно те, где харизматичный лидер собирает шайку для ограбления. Отдельно он обожал «Одиннадцать друзей Оушена» Льюиса Майлстоуна.

Летом жизнь в Черноморском была раем для ребенка. Можно было нырять в Черном море без маски, потому что вода там не очень соленая. Но девять месяцев в году, как рассказал мне Тимур, погода была «ужасная» и было очень скучно. Он записался в клуб скалолазания, который организовывал поездки на соревнования по всему Крыму. Когда Тимуру было 11, он оказался на одном из таких выездов в Симферополе. Сидя на скале, он увидел белый след маленького самолетика, выполняющего фигуры

высшего пилотажа. Он помнит, как подумал: «Кто же им управляет?»

В 21 год Фаткуллин переехал в Киев и разыскал летного инструктора. Он потратил пять тысяч долларов, которые заработал на разных летних подработках, чтобы получить пилотское свидетельство. Фаткуллин хорошо помнит, как первый раз управлял самолетом. Это было «потрясающе», но скоро наскучило. Он спрашивал себя: «И это все?» В кино было не так. Знакомый с аэродрома дал ему телефон спортивного пилота, который мог научить его аэробатике. Инструктор тоже был крымчанином. Тимур рассказал ему историю про самолетик, который он видел в детстве. Оказалось, что инструктора учил тот самый пилот. Фаткуллин почувствовал, что это судьба.

Летать — дело дорогое, но у Фаткуллина всегда была коммерческая жилка. В крымской юности он имел опыт работы с «серым» (как он его назвал, хотя по описанию больше похоже на черный) рынком, продавая и покупая краденые мотоциклы, а потом запустил бизнес с обменом валют. По словам Тимура, валютный бизнес уже готов был превратиться в легальную компанию с несколькими инвесторами, но наступил 2014 год — Россия аннексировала Крым (Тимур не был там с 2016-го.)

При этом Фаткуллину всегда везло на покровителей. В 2018 году он получил доступ к своему первому самолету для высшего пилотажа *Extra 330LX*: владевшая им киевская логистическая компания предложила поддержать его аэробатическую карьеру и разрешила Тимуру и его инструктору пользоваться

машиной. Регистрационный номер самолета *UR-TIM* говорит о том, что, по сути, самолет всегда принадлежал Тимуру; с начала войны он формально передал права на самолет своей жене — она тоже пилот.

Примерно в 2017 году Фаткуллин заинтересовался групповым пилотажем, когда несколько самолетов выполняют фигуры синхронно, летя очень близко друг к другу. Это очень опасно, но Тимуру нравилась идея общности и то, как пилоты группы общаются на своем языке, в основном состоящем из жестов. Например, если ведущий пилот поднимает кулак, но оставляет руку согнутой на 90 градусов, это значит, что ведомый пилот должен пролететь под его самолетом. Самая притягательная часть группового пилотажа — абсолютное доверие между пилотами.

Недавно Фаткуллин сказал мне, что никакого волшебства в высшем пилотаже нет — ты просто отрабатываешь маневры до тех пор, пока что-то, что «кажется опасным», не становится безопасным. Именно так он и его команда подошли к трюку с мотоциклом и перевернутым самолетом, и идеально проделали его и в первый, и в последующие несколько раз. Перед первой попыткой Фаткуллин летал вверх тормашками много недель, и чем увереннее он себя чувствовал, тем ближе подлетал к земле. Главным прорывом стал момент, когда он разрешил себе отключить свой обычный методичный способ мышления. Когда пилотируешь перевернутый самолет, все органы управления работают как бы наоборот, и если Тимур слишком долго размышлял, где лево, а где право, он «путался». Ему помог «импровизационный» способ думать. Фаткуллин

любит джаз: «Ты же не будешь, — говорит он, — прерывать Джимми Кобба — это барабанщик *Kind of Blue* — посередь соло и просить: "Ну-ка сыграй эту часть сначала"».

Иллюстрация: Mila Grabowski / Медиазона

* * *

24 февраля 2022 года, когда Россия отправила войска на северную границу Украины, Фаткуллин был в Латвии. И планировал уже через несколько месяцев устроить первый тур *Aerotim*. Но эта жизнь закончилась, понял Тимур.

Он организовал переезд своей жены Валерии Гуземы и их первенца в Испанию. (У Тимура есть еще двое старших детей от другой женщины, они вместе с матерью сейчас живут в Англии.) Валерия, глава киевской ювелирной компании, умоляла его не идти на войну добровольцем. Мужчины призывного возраста, у которых трое или больше детей, освобождены от призыва. Но Фаткуллин хотел служить своей стране — боевым летчиком.

Тимур был уверен, что он единственный гражданский пилот, допущенный к полетам на *Aero L-39 Albatros*, на котором украинские ВВС тренируют пилотов реактивных самолетов. Он ожидал, что его быстро возьмут в программу подготовки летчиков-истребителей, но вербовщики колебались,

в том числе из-за его крымского происхождения. Самым провокационным словом в его резюме был «Севастополь» — город, где он учился. Ему сообщили, что он вряд ли сможет получить необходимый уровень допуска к секретной информации, а значит, шансы в какое-то обозримое время начать боевые вылеты у него невелики.

Следующим пунктом был звонок в Государственную пограничную службу Украины, у которой был парк вертолетов. Их представитель сказал, что пограничники редко участвуют в воздушных боях. Но скучная война Фаткуллину была не нужна.

Разочарованный, он вернулся к своей команде *Aerotim,* которая набирала известность благодаря онлайн-видео. Группа сотрудничала с фотографом Назаром Дорошкевичем, специалистом по съемке с дронов. В 2020 году завирусилось видео, на котором парашютист Александр Марушко стоит на воздушном шаре в белом халате и пьет кофе — в четырех километрах над Украиной. Светает. Мимо на самолете проносится Фаткуллин. Марушко прыгает. Тимур считает, что это первое видео парашютиста на воздушном шаре. «Но теперь все нас копируют», — говорит он.

Публикация в Instagram

Instagram

Dørøsh on Instagram: "Good morning ☀- >Í@marushko =é@aero.tim <ˆ@- touch.t.sky #redbull #artofvisuals #teampolarpro- #visualambassadors #moodygrams #theimaged #shotzdelight #lensbible #filmtronic #fromwhereidrone #djiglobal #droneoftheday #dronemultimedia#fpv #droneheroes #beautifuldestinations #teamblacksheep #natgeotravel #ukraine #highsnobiety #gopro #esrthfocus

#millionairesurroundings #extremesportworld #cinematogr #filmmkrs #cinemagear #ourplanetdaily"

133K likes, 2,164 comments - dorosh.raw on October 16, 2020: "Good morning ☀ ➢Í@marushko ≡€@aero.tim ≺ˆ@touch.t.sky- #redbull #artofvisuals #teampolarpro #visualambassadors- #moodygrams #theimaged #shotzdelight #lensbible #filmtronic- #fromwhereidrone #djiglobal #droneoftheday #dronemultimedia#fpv #droneheroes #beautifuldestinations #teamblacksheep #natgeotravel #ukraine #highsnobiety #gopro #esrthfocus #millionairesurroundings #extremesportworld #cinematogr #filmmkrs #cinemagear #ourplanetdaily".

https://www.instagram.com/dorosh.raw/reel/CGaEKetngZc/

В 2023 году другой ролик *Aerotim* привлек внимание всего мира. Он был снят на камеру *GoPro,* закрепленную на быстро летящий дрон. Фаткуллин управляет желто-черным *L-39* — тем самым «Альбатросом», на котором тренируют истребителей, — над ледяным пейзажем. Он выполняет фигуру «колокол»: самолет почти вертикально уходит вверх, пока не теряет скорость, затем начинает скользить назад к земле хвостом вперед, после чего снова выравнивается. В тот год видео стало одним из 55 победителей *GoPro's Million Dollar Challenge* — конкурса на «самые впечатляющие моменты», снятые на камеру этой фирмы.

Видео на YouTube

YouTube

GoPro Awards: Aerobatic Plane Dance in 4K

@GoPro

https://youtu.be/eP8t3gSA-jI

У Фаткуллина было дело, но он не чувствовал, что полезен своей воюющей стране. Как бы то ни было, BBC Украины заметили видео Aerotim. Командование

военной авиации попросило его сделать фильм о новой программе, которая использовала вертолеты для борьбы с одной из главных российских угроз с воздуха — дронами.

* * *

В сентябре 2022 года Россия выпустила первый «Шахед» по украинскому городу. Он убил мирного жителя в Одессе. С тех пор это оружие изменило ход войны. Беспилотник стоит меньше $50 тыс. Серийные атаки дронами стали для России относительно недорогим способом наносить Украине серьезный ущерб. Россия использует набор похожих моделей: оригинальный «Шахед-136», который производят в Иране, и российские адаптации вроде «Герани-2». Украинцы все эти дроны называют «Шахедами».

Хотя крейсерская скорость составляет 150-170 км/ч, сбить «Шахед» не так-то просто. Они часто уходят от радаров, летя на малой высоте. Украина пыталась находить и уничтожать их с помощью истребителей, вертолетов, зенитных ракет, средств радиоэлектронного подавления, установленных на земле пулеметов и собственных дронов. Но за одну атаку можно запустить сотни беспилотников, и нескольким из них все равно удается прорваться через любую оборону.

«Шахеды» часто нацеливают на энергетическую и армейскую инфраструктуру, но они бьют и по гражданским целям. Более 600 мирных жителей были убиты в прошлом году в Украине дальнобойным вооружением — «Шахедами» и

ракетами. Еще около 4500 человек получили ранения. Украинцы привыкли и научились бояться жужжания надвигающегося дрона. Медицинские работники говорят, что спровоцированная дронами тревога среди мирного населения продолжает расти.

Во время съемок *Aerotim* для командования военной авиации Фаткуллин увидел способ борьбы с дронами. Он отметил, как экипаж вертолета Ми-8 использует тепловизоры для поиска дронов. Пилот маневрирует вертолетом, чтобы стрелок мог эффективно поражать цель из открытой двери. Фаткуллин 55 часов налетал с экипажем, и за это время стрелок сбил 40 «Шахедов». Фаткуллина захватила не только изобретательность подхода, но и его эстетика. «Это бой "воздух-воздух", почти как во Вторую мировую, — объясняет он. — Работа мечты».

Но Фаткуллин заметил и огрехи в подходе военной авиации. Максимальная скорость Ми-8 — 250 км/ч, этого мало, чтобы нагнать новейшие «Шахеды»-[2] с реактивными двигателями, которые могут разогнаться до 500 км/ч. К тому же он понял, что отточил умение, идеально подходящее для борьбы с дронами — групповой пилотаж. Чтобы бортовой стрелок мог сбить цель, пилот должен подлететь к дрону с идеально правильного угла и расстояния.

Раз Фаткуллин не мог пойти на военную службу, он решил, что попробует сформировать гражданское подразделение для уничтожения «Шахедов». Он начал присматривать подходящий для этих целей самолет — чтобы в нем было место и для стрелка, и для члена экипажа, который будет следить за изображением с тепловой камеры. Примерно в

это время на аэродроме, где Тимур держал свои спортивные самолеты, он встретил летчика Валерия Слипкана.

Валерию 66 лет, это невысокий коренастый мужчина с выразительными бровями, теплой улыбкой и вспыльчивым нравом. В 1980-е он служил летчиком-истребителем в советских ВВС, базировался в Эстонии. Летал на МиГ-23 и Су-27 — лучших самолетах в арсенале советской авиации. Когда СССР распался, Слипкан пошел служить в ВВС Украины. В 1995 году он ушел работать авиационным консультантом и много лет летал на гражданских самолетах в Африке. Позже помогал с транспортировкой войск НАТО в Афганистане.

* * *

После того как Россия напала на Украину Слипкан пытался попасть в ВВС, но ему сказали, что он слишком стар. Тогда он пошел пехотинцем в тероборону. Три месяца он служил под Николаевом у Черного моря и прошел две десятидневные ротации. Но, к его разочарованию, в бою ему поучаствовать не довелось.

В августе 2022 года Слипкан одолжил спортивно-тренировочный Як-52 и вместе с бортовым стрелком начал искать российские разведывательные дроны. Девять месяцев они устраивали вылеты, но ни разу не попали в цель, в том числе потому, что ночью засечь дрон очень сложно. Когда они встретились с Фаткуллиным, стало понятно, что оба хотят сбивать «Шахеды». И они решили объединить усилия. Бизнесмен, которого

Слипкан знал по Африке, одолжил ему Ан-28, до войны использовавшийся для прыжков с парашютом.

Слипкан сразу оценил пилотное мастерство Фаткуллина. «Тимуру в небе лучше» — как некоторым пловцам лучше в воде, говорит Валерий.

Восхищение было взаимным. Фаткуллину нравилось слушать байки Слипкана про советские полеты на истребителе. И еще он был очень впечатлен тем, что Валерий понес в этой войне личную утрату. В сентябре 2022 года его сын погиб на передовой, в обстоятельствах, о которых он до сих пор не готов говорить. Как сказал мне Валерий, «все, что я больше не могу дать сыну, я отдаю Тимуру и парням».

Год Фаткуллин и Слипкан убеждали военное командование позволить им сформировать гражданское подразделение для борьбы с «Шахедами». И все это время частота атак дронов на Украину росла. Но, как говорит Фаткуллин, никто из офицеров не хотел брать на себя ответственность за несчастный случай или падение дрона на жилые кварталы. Наконец, в июне 2025 года необходимые документы были подписаны — после того, как Фаткуллин и Слипкан взяли всю полноту ответственности на себя. Технически подразделение входит в добровольческие силы тероборонs, но оперативный контроль осуществляют ВВС Украины. Между собой украинцы называют их *Aerotim*.

Одним из первых Фаткуллин обратился к Сергею Гусаку, отчаянному мотоциклисту-экстремалу. Гусак — пацифист, но он нашел способ участвовать в войне, не нарушая свои принципы. В первый год

он возил гуманитарную помощь в Киев и Западную Украину. А еще паял детали для фирмы, выпускавшей дроны-перехватчики, которыми украинцы атаковали российские разведывательные беспилотники. Но он хотел участвовать в обороне своей страны более активно. И подумывал пойти учиться на санитара, чтобы эвакуировать раненых бойцов.

Звонок Тимура пришелся ему по душе. В его подразделении Гусак мог защищать украинцев, не проливая крови. (Как говорит Фаткуллин, «он не хочет убивать русских», — и добавляет: «У меня с этим проблем нет».) Тимур предложил Сергею быть его бортовым стрелком — сбивать дроны пулеметом. Работа опасная, потому что у стрелка больше шансов получить осколочное ранение, но Гусак согласился. Он прошел двухдневную подготовку у бывшего офицера и научился управляться с оружием.

* * *

4 июля 2025 года *Aerotim* совершили свой первый вылет над центральной Украиной. Фаткуллина сложно было назвать летчиком-истребителем, потому что его противником был беспилотник, но на самом деле это не совсем так. (Французский термин *pilote de chasse*, пилот-охотник, кажется здесь более уместным.) Когда тепловизор засекал дрон, второй пилот Слипкан направлял самолет в сторону «Шахеда». А Фаткуллин брал штурвал в тот момент, когда видел беспилотник собственными глазами. Гусак с пулеметом уже был наготове.

Сначала экипаж не был уверен, насколько близко они должны подлететь к «Шахеду», чтобы сбить его

из пулемета, или как далеко они должны отлететь, чтобы осколки не повредили самолет в случае, если дрон взорвется. Иногда они были на волосок от столкновения с дроном, а иногда теряли его из виду. Во время одного из первых полетов Гусак выглянул из люка и с ужасом понял, что «Шахед» поднимается прямо к их фюзеляжу. Гусак мог прочитать русские буквы на его крыле. Он помнит, как беспилотник поднимался в темно-синее небо «как большая черная рыба». Экипаж смог уйти от столкновения с «Шахедом» и в итоге сбил не только его, но и три других. С этого момента Фаткуллин называет их вылеты «воздушными боями».

Через несколько дней после того, как я приехал в Киев, меня отвезли на базу *Aerotim*. Страна приходила в себя после одной из самых холодных зим за многие годы. И дело было не только в погоде — из-за российских ударов по инфраструктуре многие украинцы неделями сидели без отопления. Был солнечный день, и из окна машины я видел, что многие озера и реки до сих пор не оттаяли: рыбаки шли по сверкающему льду. На узкой проселочной дороге машина внезапно свернула там, где с виду не было никакого съезда, проехала между деревьями и оказалась на аэродроме рядом с разрушенными остовами складских зданий.

Аэродром, прежде предназначенный для сельскохозяйственной авиации, тоже был в запустении. Ан-28 стоял рядом с металлическим ангаром, где располагалась мастерская. Вместо флюгера на палку насадили бутылку из-под газировки с прикрепленной к ней сигнальной лентой. У поросшего травой холма крутая лестница вела в

скрытый бункер. На случай, если в бункер попадет ракета, Фаткуллин и его команда сделали из него второй выход.

* * *

В использовании этого полуразрушенного аэродрома была своя логика: россияне, скорее всего, не будут бить по такой цели ракетами и дронами. Несколько месяцев *Aerotim* базировались на другом аэродроме, где Тимур держит свои спортивные самолеты в специально спроектированном ангаре из стали и бетона, который не раз попадал на страницы глянцевых журналов. Но Ан-28 слишком большой, чтобы там разместиться.

В начале моей поездки я был на том аэродроме — Тимур взял меня в аэробатический полет на своем *Extra 330LX*. Самолет, теперь оклеенный серебристой виниловой пленкой, сиял на солнце. Над землей, еще покрытой снегом, Фаткуллин исполнил несколько захватывающих дух фигур. (Боюсь, что я все же закрыл глаза, когда самолет, выполняя бочку, резко пошел к земле и выровнялся в последнюю секунду.) Рядом с бетонным ангаром чернели руины более старых сооружений — это «Шахеды» ударили по аэродрому.

На новой базе бункер оборудован раскладушками, квадратным обеденным столом, старенькой плиткой, штабелями батареек и светодиодных ламп. В коридоре — узел связи с несколькими компьютерами и стационарными телефонами, где круглосуточно и за очень небольшую зарплату работают несколько членов подразделения. Они принимают звонки от

офицеров ПВО, сообщающих о целях, которые команде Фаткуллина нужно уничтожить.

Жизнь на аэродроме бурлит. Станислав Ленко, симпатичный корпулентный механик, работает в мастерской с сигаретой в зубах. Слипкан знал его еще с африканских времен, тогда Ленко считался непревзойденным специалистом по Ан-28. В начале проекта по охоте за дронами Слипкан позвал Станислава приехать на аэродром «на пару дней». Так он там и остался.

Ленко 56 лет, у него жена и двое детей, которые живут в другой части Украины. Он спит на самодельной койке прямо у взлетной полосы. И регулярно латает дыры от осколков на фюзеляже Ан-28, когда «Шахед» взрывается рядом с самолетом. В подразделении он занимает роль тихого и доброго папаши. Тимур говорит, что Ленко волнуется «каждую минуту», что самолет в воздухе, и расслабляется, только когда они благополучно приземляются. Однажды вечером он сварил всем сытный суп из баранины, шурпу — он томил блюдо сутки. Кроме того, Станислав отвечает за всех бездомных собак, которые снуют по аэродрому. Он помог спасти жизнь беременной дворняге, которую назвал Лаки. За то время, что я провел с *Aerotim,* Лаки разродилась. Щенки были похожи на черно-белых крысят. Мужчины души в них не чаяли.

Иллюстрация: Mila Grabowski / Медиазона

Как и большинство людей на аэродроме, Ленко изначально работал бесплатно — эта ситуация не менялась месяцами, пока не достигла критической точки в январе: несколько волонтеров сказали Фаткуллину, что не могут продолжать работу без денег. Украинская компания — Тимур не стал мне говорить, какая именно, — теперь выплачивает базовую зарплату половине команды, это около шести человек. Фаткуллин платит за оперативные расходы всех остальных членов подразделения из своего кармана. Он продал долю в двух объектах недвижимости и криптовалютном бизнесе, чтобы профинансировать расходы, которые сам оценивает примерно в $10 тыс. в месяц. Украинская армия обеспечивает подразделение топливом и патронами.

* * *

На скамейке рядом с ангаром Гусак и его друг разобрали пулемет и чистят его под «*Riders on the Storm*». Фаткуллин объяснил, что пулемет он купил с рук — когда-то он стоял на одном из боевых кораблей Черноморского флота (оружие изготовила американская компания *Dillon Aero*; сейчас она поддерживает *Aerotim*, поставляя запасные части и проводя обучение). Потом Тимур показал мне разные отметки на фюзеляже Ан-28. Вот несколько строк с символами, которые обозначают сбитые дроны. На тот момент их было 171. Большинство силуэтов изображали черный «Шахед». Но для китайского дрона *DFX* — уменьшенной версии «Шахеда» — и российского дрона-«обманки» «Гербера» используют другие трафареты. У «Герберы» обычно нет боевой части, ее запускают, чтобы отвлечь внимание ПВО. На

киле экипаж нанес через трафарет зайчика *Playboy* с сигарой. «Вроде прикольно», — говорит Тимур.

Охота за дронами теоретически могла начаться в любую секунду, но днем «Шахеды» запускают относительно редко. В первый день, когда я приехал на аэродром, небо выглядело мирным и Тимур объявил, что хочет устроить тренировочный полет. Вдобавок к пулемету подразделение начало использовать дроны-перехватчики *Pi-Sun,* которые запускаются с кронштейнов под крыльями Ан-28. «Писюны» делает украинская компания *SkyFall*, и они похожи на коротенькие толстые ракеты.

При управлении с земли *Pi-Sun* эффективно перехватывали «Шахеды», но при запуске с самолета и управлении с борта Ан-28 работали гораздо менее надежно. (Представитель *SkyFall* сказал мне в марте, что эта разница его не удивляет, но объяснить ее он не может; с тех пор программное обеспечение усовершенствовали.)

Фаткуллин говорит, что перехватчики его нервируют. Он показал мне видео с *Pi-Sun,* который его команда запустила с Ан-28. Он не нашел цель и вместо этого летал вокруг самолета и жужжал, как сердитая пчела. В боевой части перехватчика почти килограмм взрывчатки и он может достигать скорости 320 км/час. Тимур волновался, что *Pi-Sun* может случайно сбить сам Ан-28.

Тем не менее, он понимает, что все равно гораздо эффективнее запускать перехватчики, чем использовать пулемет. Дроны можно выпускать в 10 километрах от цели, не боясь, что «Шахед»

взорвется рядом с самолетом. Не то что бы у *Aerotim* совсем ничего не получалось: Александр Марушко, тот самый дерзкий парашютист, который прыгал с верхушки воздушного шара, теперь работает в команде оператором дронов, и недавно за один вылет Ан-28 сбил с помощью *Pi-Sun* три «Шахеда».

* * *

У Марушко бритая голова и веселое лицо. Он помогал закрепить дрон-перехватчик под правым крылом Ан-28. Так как полет был тренировочный, на «писюне» никаких боеприпасов не было. Мы поднялись на борт самолета через люк в хвостовой части. Фаткуллин и Слипкан заняли свои места в кабине пилотов, которую отделяла тоненькая занавеска. Марушко сел на скамеечку перед большим экраном.

Работа больших турбовинтовых двигателей напоминала о прачечной — тело ощущало вибрацию еще много часов после полета. Когда мы набрали высоту около 180 метров, Марушко надел *FPV*-очки — они позволяют оператору дрона видеть происходящее так, словно он смотрит из кабины обычного самолета. Он запустил дрон-перехватчик: тот выскочил из крепления и стремительно отлетел от самолета. Марушко хотел проверить, сможет ли посадить *Pi-Sun* на аэродроме. По его словам, это гораздо труднее, чем поразить «Шахед», потому что дрон-перехватчик должен садиться вертикально — как ракета при запуске, только в обратную сторону.

Марушко выглядел так, словно он играет в очень затягивающую игру в *VR*-очках. Фаткуллин позвал

меня в кабину и спросил, хочу ли я взять штурвал. Конечно, сказал я. (У меня нет прав, но я раньше летал с инструктором.) Управлять Ан-28 было непросто: чтобы поменять направление, мне приходилось тянуть штурвал двумя руками, как будто я держу под уздцы упрямую лошадь. Когда Фаткуллин охотится за беспилотниками, он двигает штурвал левой рукой, потому что правой должен направлять прожектор на «Шахеды». На земле он говорил мне, что на вылетах приходится «работать всем телом», и теперь я понял, что он имел в виду.

* * *

Когда я немного приноровился к штурвалу, я увидел в окно человеческое тело, летящее к земле. Это Марушко приземлил свой дрон и прыгнул с парашютом обратно на аэродром, просто веселья ради.

Атаки «Шахедов» становятся все более частыми и тяжелыми. По данным Центра стратегических и международных исследований (*CSIS*), американской некоммерческой организации, отслеживающей ход войны в Украине, с конца 2024-го по начало 2025 года среднее число еженедельных запусков беспилотников из России выросло с 75 примерно до 900. По данным украинских военных, в феврале 2026 года этот средний показатель составлял около 1265 «Шахедов» в неделю.

Такие атаки сильно перегружают систему ПВО — особенно если учесть, что ресурсы Украины ограничены. Члены команды *Aerotim* с горькой усмешкой отреагировали на новость о том, что во

время войны в Иране США и страны Персидского залива отражали атаки «Шахедов», расходуя по нескольку ракет *Patriot* на каждый дрон. Каждая такая ракета стоит около четырех миллионов долларов.

Выглядят «Шахеды» примерно так же, как раньше, но их навигационную систему усовершенствовали. Когда «Шахед» разбивается или его сбивают, украинские расследователи изучают обломки. И часто находят мешанину из российских, китайских и иранских запчастей. А еще — украинские сим-карты и модемы, что позволяет предположить, что для навигации используют в том числе украинскую сотовую связь. У некоторых моделей есть камеры, так что операторы в России могут направлять дроны удаленно. Сейчас «Шахеды» снабжают ракетами «воздух-воздух», чтобы они могли атаковать преследующие их судна. А еще на них ставят противотанковые мины. Возможно, тревожнее всего то, что стало известно недавно: некоторые «Шахеды» стали использовать как носителей *FPV*-дронов, доставляя это высокоточное оружие далеко за линию фронта.

Фаткуллин уверен, что несколько «Шахедов» зафиксировали присутствие Ан-28 и попытались его облететь. На недавнем вылете он потерял цель, потому что она начала нырять в облака, не давая ему направить на себя прожектор. А еще несколько разворачивались, чтобы, как ему кажется, атаковать Ан-28. В январе и феврале «Шахеды» уничтожили три украинских вертолета, которые охотились за дронами. Технологии на этой войне развиваются с головокружительной скоростью. Фаткуллин и его команда понимают, что об очередной инновации они

вполне могут узнать только в тот момент, когда «Шахед» разнесет их самолет прямо в воздухе.

Но на сегодня главная проблема — это близость к взрывоопасной цели. Прошлым летом Слипкан на несколько дней отстранил Гусака от полетов, когда тот покурил вейп в кабине. Этот безобидный проступок задел летчика с его советским подходом к дисциплине. У сменившего Гусака стрелка был военный опыт, однако ночью он плохо находил «Шахеды» взглядом. Фаткуллин вывел беспилотник примерно на девяносто метров от самолета, в сектор между «восемью» и «девятью часами», но новый стрелок сообщил пилоту, что не видит цель. Раздосадованный Фаткуллин уже собирался уйти из района. Но пока самолет маневрировал, стрелок заметил дрон и открыл огонь. К тому моменту «Шахед» оказался слишком близко — в положении «на семи часах». Когда он взорвался, осколками задело хвостовую часть Ан-28, был пробит топливный бак, откинулся задний люк. Слипкан, с трудом удерживая равновесие, ринулся в хвост самолета, чтобы закрыть люк; другой член экипажа схватил его за ремень, чтобы летчика не выдуло наружу. Опасаясь, что самолет вот-вот загорится, Фаткуллин стремительно посадил Ан-28.

* * *

Основная часть этой работы — ожидание. Во время дежурства экипаж должен находиться в режиме «готовности №2» — вблизи аэродрома, чтобы в любой момент взлететь по сигналу. Фаткуллин, Гусак и остальные члены команды проводят это время в

двухэтажном деревянном домике в соседнем лесу, где атмосфера напоминает что-то среднее между коворкингом и тихим студенческим общежитием. Мужчины питаются фисташками и апельсиновым соком, а иногда ходят поесть в местное кафе. Однажды я открыл холодильник и обнаружил там только одинокую банку *Red Bull*.

Днем команда отсыпается после ночных вылетов. Отдельной комнаты ни у кого нет, но Фаткуллин предпочитает не оказываться в одном помещении с Гусаком, потому что тот храпит. У Тимура есть желтый учебный мотоцикл, который мужчины используют по очереди. Прошлой зимой Фаткуллин и Гусак ездили на мотоциклах по замерзшей реке неподалеку.

Ночью все идут спать с телефонами под подушкой — на случай, если они получат звонок о переходе к «готовности №1». Это значит, что им надо оказаться на летном поле через 15 минут. От домика до аэродрома — 10 минут, если ехать быстро, и с этим у *Aerotim* сложностей нет, но в любом случае на сборы времени мало. Так что люди спят, положив термобелье и летные комбинезоны прямо у кроватей.

Когда я был с командой, в среду ночью, в 01.45 у Фаткуллина завибрировал телефон: «готовность №1». Мы оделись и побежали к черному внедорожнику, припаркованному у домика. В машине мы были через четыре минуты после звонка. На темном аэродроме лаяли собаки. Члены экипажа выкладывали светодиодные лампы на взлетно-посадочную полосу. Гусак забрался в самолет со своим тяжелым пулеметом, Марушко прикрепил

P1-Sun под крылья. Когда все собрались на борту, заднюю рампу закрыли, и Ан-28 поехал по полосе. У меня колотилось сердце. Гусак развалился на скамейке.

Иллюстрация: Mila Grabowski / Медиазона

В самолете Марушко включил айпад, чтобы изучить радиолокационную карту. Он показал мне два значка у Одессы, которые напоминали красные маховики. Значки сообщали, что датчик звука отловил «Шахед», который еще не было видно радару. Значки должны «превратиться в "Шахеды"», — сказал он.

Этого так и не произошло. После 10 минут напряженного ожидания самолет съехал с взлетной полосы. То ли эти маховики не были дронами, то ли украинский истребитель или вертолет их сбил. Подразделение Фаткуллина перешло в режим «готовность №2».

* * *

Было почти 4 утра, когда мы вернулись в домик. Фаткуллин и Гусак не могли уснуть после отмены вылета. Тимур сказал мне, что иногда они так мечутся между «готовностью №1» и «готовностью №2» по три раза за ночь, а до вылета дело так и не доходит. Эти колебания действуют на нервы. В каком-то смысле вылеты проще.

В домике Тимур открыл приложение с радиолокационной картой. В небе было мало «Шахедов» — скорее всего, этой ночью команду уже не вызовут. Он открыл бутылку красного. Около часа они

с Гусаком сидели с бокалами, смеялись и смотрели видео на телефонах. Спать пошли на рассвете.

Во время моей поездки в Украину Фаткуллин рассказал, что он поедет в Европу (он попросил меня не называть страну), чтобы купить еще один самолет для подразделения. У него была новая идея, как бороться с дронами: легкий самолет с пулеметами, прикрепленными спереди. Этот вариант предполагал команду из пилота и штурмана, где пилот управляет оружием. Я понял, чем ему нравится эта идея. Она не только могла оказаться эффективной в борьбе с дронами, но и удовлетворяла его амбиции летчика-истребителя. В Ан-28, грустно говорил Тимур, он чувствует себя «реактивным пилотом за рулем автобуса».

Фаткуллин подобрал подержанную двухместную машину, которая идеально подходила для его целей: бывший самолет для высшего пилотажа (модель и производителя он тоже попросил меня не называть), которым владела одна западная фирма. Этот самолет легко может обогнать даже беспилотник с реактивным двигателем, но и плавно лететь рядом с обычным «Шахедом» на крейсерской скорости для него тоже не составит труда. Для сравнения, истребители *F-16,* которые стоят на вооружении у ВВС Украины, уходят в режим сваливания на скорости, с которой летит обычный «Шахед».

Самолет, который присмотрел Тимур, стоил несколько сотен тысяч долларов. Основную часть денег *Aerotim* собрали по украинским спонсорам. (Их имена Фаткуллин тоже попросил не называть, чтобы они не стали мишенями для российских спецслужб.)

Представитель *Dillon Aero* сообщил мне, что компания предоставит команде пулеметную установку и другие материалы общей стоимостью больше миллиона долларов. Фаткуллин надеялся привлечь еще одну фирму, чтобы получить от нее высококлассную тепловизионную камеру с креплением.

На данный момент коммерческих полетов из Украины нет, и Фаткуллин хотел совместить деловую поездку с визитом к старшим детям в Англию. Мы с ним сели на ночной поезд в польский город Хелм, потом взяли машину до Варшавы и затем полетели в Лондон на лоукостере. Когда мы ехали в одном купе в поезде, у Тимура постоянно жужжал телефон. Он выглядел измотанным и напряженным.

* * *

Фаткуллин занимает необычную позицию — он и внутри, и снаружи армии. Обычно, когда он не на вылетах, то на встречах BBC в Киеве. Его подразделение считается «экспериментальной авиацией», но он получает очень мало официальной поддержки на фоне серьезных административных обязательств. С тех пор, как мы познакомились, огромную часть его времени занимал сбор средств на новый самолет. К тому моменту, как мы садились на поезд, ему все еще не удалось набрать полную сумму. После начала войны в Иране он постоянно получал звонки от властей ОАЭ с просьбой приехать с *Aerotim* и помочь с атаками «Шахедов» из Ирана. (Он не был уверен, что у него есть время помочь Эмиратам, но тем не менее рассматривал их предложение всерьез.)

Дополнительно тревогу усиливало недавнее обследование у офтальмолога. Врач обнаружил у Тимура легкое повреждение сетчатки правого глаза — видимо, из-за ярких вспышек взрывающихся «Шахедов», которые он наблюдает в прибор ночного видения. Отдельно Фаткуллин беспокоился за свою команду. В его отсутствие Валерий Слипкан стал первым пилотом и, по мнению Тимура, слишком близко подлетал к дронам: Ан-28 все время возвращался на базу изрешеченный осколками. Фаткуллин показал мне видео, в котором видно, что топливный бак опять пострадал.

Фаткуллин задавался вопросом, связана ли агрессивная манера пилотирования Слипкана с гибелью его сына. По словам Тимура, Валерий «всегда идет до конца». При всей уверенности в себе, на вылетах Фаткуллин осторожен, потому что чувствует ответственность за экипаж. Если ночная посадка становилась слишком сложной, он, по его словам, спокойно делал еще один круг и пробовал снова. Слипкан же предпочитал садиться с первой попытки. («У меня нет Тимуровых стандартов изящества», — сказал он мне.) После одного случая, когда Слипкан был за штурвалом и потерял из виду дрон, пролетевший прямо под самолетом, Гусак позвонил Фаткуллину и сказал, что летать так — «самоубийство».

Работа Фаткуллина вызывает напряженность и в семейных отношениях. Когда он был со своими товарищами, он мог показаться нагловатым и старорежимным в том, что касается женщин. Как-то за обедом в домике я упомянул при команде, что купил своей жене цветы на День матери. Тимур

сказал, что перестал покупать жене цветы, потому что они все равно вянут. И потом добавил, что в любом случае, когда имеешь дело с женщинами, «надо быть немного жестоким, иначе вообще не работает». Но в располагающей к откровенности обстановке купе он признал, что ему сложно находить баланс между работой и браком, который был ему очень важен. Он отметил, что его многому научила книга Эстер Перель[3] «Размножение в неволе».

После нашего путешествия на поезде я вернулся в Украину и побывал на ужине в элегантном доме Фаткуллина. Дом в отдаленном районе Киева был полон цветов. Валерия Гузема, которая вернулась из Испании вскоре после того, как российское наступление на Киев провалилось, — стильная, хрупкого телосложения женщина тридцати с чем-то лет. За столом они с мужем сидели, обнявшись. Валерия сказала мне, слегка улыбаясь, что в первые месяцы после начала работы команды Тимур приходил домой, только когда с самолетом было что-то не так. (Сейчас они видят друг друга чаще, добавила она.) Притом у Валерии достаточно забот — бизнес на 150 сотрудников и дети, сейчас у них с Тимуром уже трое.

За ужином Фаткуллин рассказывал очередную героическую историю. Валерия перебила его и сказала — как мне показалось, со смесью восхищения и ужаса: «По-моему, ты иногда забываешь, что ты человек». Тимур улыбнулся и продолжил рассказ.
И все же авиация их связывает: иногда они вместе летают в группе. Как говорит Тимур, лететь рядом с женой — это как танец, «как разговор без слов».

* * *

В воздухе в ту безлунную мартовскую ночь Гусак поймал «Шахед» в прицел. Фаткуллин, который сидел в пилотском кресле слева, ослабил ремень безопасности, чтобы можно было повернуться и посмотреть в прибор ночного видения. Слипкан сказал Гусаку по радио, чтобы он не стрелял — самолет летел над шоссе, и они не хотели, чтобы обломки дрона упали на дорогу.

Когда шоссе осталось в стороне, Слипкан отдал Гусаку приказ стрелять. До дрона оставалось меньше 300 метров. Гусак нажал на курок, и кабина самолета наполнилась дробным звуком пулеметной очереди и сладковато-копченым запахом отстрелянных гильз. Из пулемета вылетел поток оранжевых трассеров. После нескольких очередей у «Шахеда» появился черный дымный хвост, и он начал терять высоту. Экипаж думал, что беспилотник взорвется, но он опустился на поле под Ан-28, так и не сдетонировав — будет сюрприз какому-то фермеру наутро. В самолете никто не ликовал. После удачной охоты Гусак несколько минут наводил порядок на своем рабочем месте, собирая круглые гильзы в холщовый мешочек.

Члены экипажа начали искать следующую цель. С земли их проинструктировали, что где-то рядом летает «Шахед», пропавший с радаров. Беспилотник скоро обнаружился на экране тепловизора: он летел всего в 40 метрах над землей. Атаковать дрон на такой маленькой высоте — дело тонкое. Фаткуллин сказал мне, что в таких случаях он с цели глаз

не спускает: «Что дрон делает, то и я». Конечно, если «Шахед» уйдет еще ниже и Ан-28 последует за ним, это может стать «проблемой». Самолет может разбиться. Слипкан следил за высотомером. Вторая сложность была в том, что, когда Фаткуллин был так сосредоточен на цели и так медленно летел, он мог «свалиться», что тоже очень опасно на таком расстоянии от земли. Если Слипкану казалось, что есть риск сваливания, он мягко клал руку поверх руки Тимура — знак, что надо увеличить тягу.

Скоро Ан-28 выровнялся с «Шахедом», и Гусак открыл огонь. Дрон выпустил свой сигаретный смертельный след и упал на землю, снова не взорвавшись. Только четвертая и последняя добыча за ночь превратилась в огненный шар. Мы смотрели, как покореженный «Шахед» разбился, а потом еще несколько минут детонировал. Фаткуллин сказал по радио, что, видимо, в боевой части дрона были кассетные боеприпасы. Он всего второй раз видел, чтобы дрон так себя вел после крушения. В этот четвертый дрон Гусак попал с расстояния примерно 300 метров — почти с предельной для него дистанции. Я был бесконечно рад, что мы не подлетели ближе, но когда в час ночи мы сели на дозаправку на военную базу, Фаткуллин выглядел почти разочарованным, что все прошло так спокойно. «Обычно все более рок-н-ролльно, — сказал он. — Но у тебя дети, а у меня полный самолет людей».

На аэродром мы вернулись около 5 утра. Атмосфера после приземления была расслабленная и дружеская. Тимур сказал мне, что он часто именно в такие моменты ощущает себя по-настоящему счастливым. «Ты как будто чист изнутри, у тебя есть целостность,

ты сделал что-то полезное». Мужчины страшно замерзли за много часов в открытой кабине. Слипкан позвал команду в бункер, где он открыл бутылку шампанского и разлил его по кофейным чашкам. Они с Тимуром чокнулись: «Слава Україні!» — сказал кто-то. И пилоты хором ответили «Героям слава!». До сна было еще далеко.

На Западном фронте во время Первой мировой окопы были настоящим адом: крысы, грязь, механизированная бойня. Воздушные бои были не менее опасны, но это был совершенно другой военный опыт. Самолеты только недавно изобрели, и летчики были новым видом людей — в ореоле славы. Сэмюэл Хайнс в книге «Неосязаемый воздух» писал об участии американских авиаторов в той войне: «Быть летчиком — это было что-то вроде спортсмена в колледже или члена студенческого братства на нескончаемой вечеринке, а отчасти — как быть юным туристом в неизвестной стране вместе с друзьями. Летать было весело, и это был единственный веселый способ воевать».

* * *

Развитие технологий сделало поля битвы в Украине 2026 года кошмаром, сравнимым с окопами Пикардии и Фландрии 1916 года. Атаки дронов, которые связаны со своими операторами через многокилометровое оптоволокно — уловка, чтобы избежать подавление сигнала противником, — изменили характер войны. На востоке страны больше нет никакой линии фронта, а есть что-то вроде широкого пояса смерти, где небольшие группы солдат прячутся от дронов

в ямах, и амуницию им сбрасывают беспилотные квадрокоптеры. Санитаров на передовой тоже стало мало — если солдат ранен, высока вероятность, что его будет спасать робот. А серьезное ранение чаще всего оказывается смертельным. В бою погибло около ста тысяч украинцев и трехсот тысяч русских.

Высоко и далеко от наземных боев Фаткуллин и его подразделение нашли веселый способ присоединиться к битве. Военное командование Украины недавно наградило Фаткуллина и Слипкана орденом Богдана Хмельницкого III степени. Гусак и еще один член экипажа, чье имя нельзя называть по соображениям безопасности, тоже получили награды. На одном из любимых видео Тимура Гусак в своих мешковатых джинсах волочится, как подросток, которого опять заставили что-то делать, чтобы принять медаль из рук генерала с военной выправкой.

Команда несколько демонстративно наслаждается своей работой. Каждый вылет записывается на видео. В начале года Фаткуллин запостил в инстаграме видео, где съемка ударов по «Шахедам», прыжок с парашютом, трюки с мотоциклом были смонтированы вместе с меланхоличными фотографиями его с женой, детьми и друзьями. И подписал: «Оглядываясь на 2025 год. Реальная жизнь редко выглядит как кино, пока не оказывается лишь воспоминанием».

Публикация в Instagram

Instagram

Timur Fatkullin on Instagram: "Reflecting on 2025. Real life rarely looks cinematic until it’s already memory. #aerotim"

> 2,924 likes, 133 comments - aero.tim on February 14, 2026: "Reflecting on 2025. Real life rarely looks cinematic until it’s already memory.- #aerotim".
>
> https://www.instagram.com/aero.tim/reel/DUu7iu4E0Me/

Большая часть видеоконтента *Aerotim* не попадает в инстаграм, мужчины смотрят его для собственного удовольствия. А еще Фаткуллин и его команда снимают про себя документальный фильм. Возможно, он выйдет в прокат, а может быть останется для внутреннего пользования *Aerotim*. Тимур говорит, что фильм нельзя закончить, пока идет война. «Может, будет развитие сюжета, — говорит он. — Может, будет трагедия».

В конце марта Фаткуллин собрал достаточно денег на покупку двухместного аэробатического самолета. Продавец долетел на нем из Западной Европы практически до Украины. Но даже если бы Тимур быстро получил недостающие детали — пулеметную установку и поворотный тепловизор, — его команде все равно понадобился бы как минимум месяц, чтобы подготовить самолет к боевым вылетам. Фаткуллин не мог дождаться, когда начнет использовать то, что он назвал своей «новой платформой». Весной число атак «Шахедов» резко выросло.

Четыре дрона, которые при мне сбил экипаж Ан-28, довели общий счет до 175. За неделю он перевалил за 200. (А на момент выхода статьи[4] уже за 250.)

В апреле подразделение стало нередко вылетать в дневные часы, потому что российские операторы начали выпускать дроны в самое разное время суток. Мой телефон часто вибрирует, сообщая об очередном видео недавнего вылета.

* * *

Утром Страстной пятницы, 3 апреля Фаткуллин послал мне скриншот со своего радара.

Десятки красных значков «Шахедов» роились над центральной Украиной. Большая часть из них летела на Киев. Владимир Зеленский и Владимир Путин договорились о прекращении огня на Пасху, но Россия начала одну из крупнейших своих атак. Подразделение Фаткуллина было в воздухе всю ночь и сбило шесть «Шахедов». «Только сели, — написал мне Тимур в 6 утра. — Чуть не убились».

Фаткуллин рассказал, что во время полета вооруженный дрон-перехватчик *PI-Sun* не смог отделиться от кронштейна под крылом Ан-28. Когда самолет приземлился на базе, *PI-Sun* наконец сорвался с крепления и опрокинулся на взлетно-посадочную полосу. Фаткуллин видел, как дрон упал, и ожидал взрыва, но он не сдетонировал. Слипкан вызвался подойти к аппарату и поднять его. Позже Фаткуллин прислал мне видео: сияющий Слипкан держит в руках обезвреженный дрон.

Мы переписывались, а Россия продолжала атаковать Украину. Фаткуллин сказал, что пока они заправлялись, над ними шли «Шахеды». «Никогда днем такого не видел», — написал он. Я спросил, будет ли у них еще вылет, но он не ответил. Ан-28 уже был в небе.

Автор: Эд Сизар

Оригинал: *The Stunt Pilot Hunting Russian Drones*. *The New Yorker, 25 May 2026.*

Перевод: Вера Нифлер

Translated with permission from The New Yorker.

---

1. Имеется в виду «Шахед-136», который в России производится под названием «Герань-2»
2. По заявлениям иранских производителей, крейсерская скорость беспилотников «Шахед-238» («Герань-3») составляет 500-550 км/ч, а максимальная — около 600 км/ч. Российские военные называли даже большие цифры.
3. Бельгийская писхотерапевтка, написавшая несоклько бестселлеров об отношениях. Также известна как ведущая подкастов «Where Should We Begin?» («С чего начнем?») и «How's Work?» («Как работа?»).
4. В конце мая 2026 года.